

ФИЛОСОФСКОЕ РЕШЕНИЕ ПАРОДОКСА ВРЕМЕНИ И НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕТАФИЗИКИ

Парадокс времени рассматривается как парадокс метафизики первоначал (бытие и небытие). Основанием философской антропологии выступает симметрия отношения, которая придает антропологии характер статики социальной реальности. Социальная философия выступает в роли науки, изучающей динамику обратимых процессов.

В конце XIX века в физике разразился кризис, причиной которого стали новые открытия в ней. Его преодоление привело к созданию новых теорий: квантовой механики и теории относительности. В методологическом плане революция в физике сопровождалась отказом от прежних традиций. Прежде всего, это проявилось в том, что наряду с динамическим описанием природных явлений появилось и термодинамическое их описание. Следовательно, динамика утратила роль «модели человеческой рациональности», ибо она неявно постулировала эквивалентность между прошлым и будущим, а соответственно, и эквивалентность «причин и следствий»¹.

Существовавшее до сих пор вневременное описание физических явлений исходило из принципа достаточного основания Лейбница: эквивалентность «причин» и «следствий» носила характер, предустановленный гармонией. Следствием такого подхода стало исключение времени из описания реальности и отрицание развития в мире физических явлений. И только начиная с Больцмана, как отмечалось в работе И. Пригожина,

Н. Стенгера¹, с его Н-теоремы возникает осознанная попытка интерпретировать физические явления в терминах термодинамики, когда рост энтропии стал рассматриваться как процесс постепенного исчезновения причины, ее растворение в производимых ею следствиях².

Несколько раньше, то есть с середины того же XIX века, обнаружился кризис и в философии, который также сопровождался ломкой традиций, прежде всего — отказом от метафизической проблематики. Истоки этого кризиса были теми же, что и в физике: ограниченность методологии исследования динамической модели рациональности, которая опиралась на ту же эквивалентность «причин» и «следствий», а следовательно, на эквивалентность прошлого и будущего времени. Получалось, что трагическому парадоксу в физике, когда Больцман пытался привести в понимание природы время как основополагающую характеристику, стремясь одновременно придать необратимости динамический смысл, предшествовал столь же трагический парадокс в философии, когда Гегель пытался ввести категорию «становления» в натурфилософию.

софию, прибегая к услугам все той же динамики. Чтобы убедиться в правоте этого утверждения, достаточно обратиться к его определению первоначал: «Чистое бытие и чистое ничто есть, следовательно, одно и то же. Истина — это не бытие и не ничто, она состоит в том, что бытие не переходит, а перешло в ничто, и ничто не переходит, а перешло в бытие. Но точно так же истина не есть их неразличность, она состоит в том, что они не одно и то же, что они абсолютно различны, но также нераздельны и неразделимы и что каждая из них непосредственно исчезает в своей противоположности»³.

Чистое бытие, таким образом, непосредственно исчезает в ничто, как и ничто столь же непосредственно исчезает в чистом бытии. Тем самым Гегель, как впоследствии и Больцман, постулирует эквивалентность первоначал, исключая возможность введения времени как основополагающей характеристики развития. Это утверждение побудило Гегеля сделать парадоксальный вывод о природе отношения ничто и чистого бытия: «Их истина есть, следовательно, движение непосредственного исчезновения одного в другом: становление»⁴. Такое определение становления апеллировало к признанию эквивалентности прошлого и будущего времени и тем самым исключало необратимость, а следовательно, и однонаправленность времени.

Между тем, именно XIX век, а затем и XX, с их революциями, в большей мере тяготели к объяснению развития скорее как необратимого процесса, чем как динамического. Неудивительно, что метафизический схематизм философии Гегеля оказался далек, прежде всего, от возможности решать проблемы общественного развития. Стремление приблизить философию к реалиям конкретного исторического момента, однако, вылилось в попытку приобщить ее к эталонам рациональности науки. Такого рода тенденция обнаружилась в работах Л. Фей-

ербаха, К. Маркса, О. Конта, в которых в качестве целей философского исследования ставились вполне конкретные проблемы с той только разницей, что позитивизм при этом апеллировал к чувственному опыту, а марксизм — к революционной практике. В результате этого значимость философии низводилась к роли служанки науки, подобно тому, как в средневековье ей отводилась роль служанки богословия. Эта роль, в лучшем случае, — роль комментатора новых открытий, достигнутых в естествознании. Нет ничего удивительного в том, что, обнаружив несостоятельность философии в отведенном ей неподобающем положении, те же самые творцы ее реконструкции провозгласили затем и ее историческую несостоятельность. Так, М. Шлик заявил, что у метафизики отсутствует реальное содержание, она умерла, и теперь философия должна уступить место науке, как в свое время мифология уступила место философии⁵.

Очевидно, что такого рода реконструкция философии обернулась для нее утратой своего лица.

Другое новаторство в философии XX века — экзистенциализм, напротив, исключил из области своего исследования и опыт, и практику, замкнувшись полностью в сфере бытия сознания. Экзистенция была провозглашена вполне автономной реальностью, которая в принципе недоступна позитивному определению. В силу этого классический язык философии объявлялся устаревшим. Признавалась необходимость новой «аранжировки» языка, так как требовалось не исследовать бытие человека, а «прислушаться» к нему, не измерять его, а «обнаруживать». Теперь философия принуждалась уже к служению искусству, а бытие человека замыкалось на, своего рода, нарциссизме.

Опоэтизированная философия, так же как и онаученная, в своем стремлении к собственной реконструкции и обновлению вдруг обнаружила свою не востребо-

ванность в современной культуре. Метафизика, по словам М. Хайдеггера, благодаря антропологии обретает такие черты, в которых философия попросту исчезает⁶. Таким образом, общность этих двух неклассических вариантов — не только в их конечном отрицании самой философии, но и в одновременной ее антропологизации. Естественно, такое сужение проблематики философии неизбежно приводило к разрыву с традициями классики, прежде всего, к исключению метафизики как изначального способа философского дискурса. В результате этого системный рационализм уступил место фрагментарному и поверхностному эмпиризму.

Спрашивается, был ли этот бунт современной философии таким уж новым? Ведь еще в античные времена Сократ пытался исключить натурфилософию из предмета исследования философии, поставив во главу угла природу человека, то есть все ту же антропологию. Точно так же Конфуций, отбросив традиционные для китайской культуры верхние и нижние начала архетипа, сосредоточил свое внимание на изучении срединного начала (человека). Вполне резонно предположить, что неклассический этап новейшей философии есть повторение сократовско-конфуцианского бунта, который наблюдался в античные времена и который, как известно, был успешно преодолен Платоном. Такое сопоставление нынешних времен и времен минувших наводит на мысль, что причины кризиса философии не устранены и что само повторение попыток обособления философской антропологии и социальной философии от натурфилософии свидетельствует о том, что до сих пор не найдено такое обоснование, в рамках которого можно было бы судить о системном отношении мира вещей и мира людей. Само предположение о возможности их соподчинения вытекает из факта, согласно которому мир человека не может проявляться раньше, и вне мира вещей. Столь

же неприемлема и попытка объяснить природу человека, выводя ее напрямую из природы физических явлений. Следовательно, необходимо найти более фундаментальные основания философского анализа, исходя из которого можно было бы, во-первых, разработать методологию, охватывающую несколько различных по качеству реальностей; во-вторых, сформулировать на ее основе принцип системности, отличный от системности научного знания. Необходимость в такого рода новациях обусловлена тем, что научная системность определяется пространственно-временной организацией опыта. Следовательно, философская системность должна исходить из времяпространственной его организации. Очевидно также и то, что эту задачу невозможно решить без метафизики. Использовать метафизику в прежнем виде, как показала история, невозможно. Исходной посылкой ее реконструкции может служить постулат, согласно которому материя может существовать только в конкретной форме, то есть в форме, имеющей начало и конец во времени. Только в этом случае метафизика может служить основой решения того парадокса времени, который обнаружила, но не решила сама наука.

Парадокс времени как парадокс метафизики

Традиционно рассмотрение природы развития в философии связано с категориями небытия и бытия. Спрашивается, чем, в таком случае, определяется статус небытия, если человек в своей деятельности и в познании имеет дело только с бытием? Является ли категория бытия сугубо философской или неявно служит инструментом решения и проблем естествознания?

С появлением космологических моделей А. Фридмана и с началом формирования космологии как науки о Вселенной к представлениям античных философов о ее пространственной целостности добавилась временная характеристика, со-

гласно которой развитие Вселенной должно быть однонаправленным, то есть в основу ее развития должна быть заложена стрела времени. Новый космологический взгляд на Вселенную означал закрепление за нею статуса конкретной формы материи, из которого вытекал факт ее небытия до возникновения. Таким образом, естествознание допускало факт небытия конкретной формы материи, но по своей природе не могло использовать его, не прибегая к помощи философии.

Действительно, утверждение о нестационарности Вселенной означало фактическое признание неэквивалентности отношения между прошлым и будущим, следствием которого являлось признание необратимости в эволюции форм вещества и энергии. Согласно антропному принципу, вытекающему из факта признания нестационарности Вселенной, на одной из стадий этого развития появляется наблюдатель, способный мыслить и избирательно действовать. Получалось, что появление такого исключительного явления, как наблюдатель, должно быть обусловлено особенностями предшествующих этапов формирования Вселенной. Но, с другой стороны, ни в одной из этих предшествующих стадий не встречается ничего родственного или подобного чувственному восприятию или мышлению, то есть свойствам, присущим наблюдателю. В силу этой странности появление человека представало как явление неожиданное и исключительное, наподобие акта творения.

В рамках мысленного эксперимента можно предположить движение вспять во времени от момента возникновения наблюдателя к моменту возникновения самой Вселенной. Особенностью такого мнимого возвращения во времени будет тенденция, в рамках которой все многообразие форм энергии и вещества постепенно будет уменьшаться, а в пределе этой мнимой обратимости окончательно сотрется, образуя, в конце концов, некую

сингулярность. Если такой мыслительный эксперимент будет проводить наблюдатель-физик, то он обнаружит свою неспособность достичь точки сингулярности, так как на подходе к ней он наталкивается на планковские ограничения. Дальше, то есть за пределы планковских величин, представляющих собой границу нашего опыта, и еще дальше, за пределы так называемой сингулярности, может двигаться только наблюдатель-философ.

Он предполагает, что существующая Вселенная, прежде чем проявить свою фактуальность, не существовала. И что, следовательно, для обозначения исходных параметров ее эволюции должны быть две характеристики, а не одна, как в случае с естествознанием. Небытие и бытие, таким образом, образуют исходную, но дуалистическую по своей природе единицу мерности, своего рода, информационный квант первоначального события (01), то есть 1 бит информации, который состоит из двух противоположных характеристик. С одной стороны, начало эволюции может быть представлено как полное отсутствие события, его полная нефактуальность, а с другой — как его наличие, зафиксированное фактуальностью.

Исходя из данного положения, можно символично представить эволюцию Вселенной, во-первых, как последовательность вещественно-энергетических форм:

$$0, 2, 4, 8, 16, \dots, N, \dots,$$

где 0 — отсутствие каких-либо материальных свойств эволюции нашей Вселенной; 2 — наличие фактуальных свойств в виде излучения (дуализм частицы и волны); 4 — появление парных (отрицательных и положительных) тяжелых элементов; 8 — появление парных легких элементов; 16 — появление звезд и планет; N — появление наблюдателя.

Во-вторых, эту эволюцию можно представить как последовательность информационного ряда событий:

$$0, 1, 1, 1, \dots, N, \dots,$$

где 0 — несуществование конкретной Вселенной как информационного события; N — появление наблюдателя.

Все материальные формы события в информационном плане однозначны, так как обладают одним и тем же информационным свойством — фактуальностью, хотя в пределах этой фактуальности они отличаются друг от друга показателями плотности, длины, длительности, температуры и т. п.

Очевидно, что разграничение в информационном ряду идет по (0), означающему небытие, и по (1), означающей бытие. Последовательность в этом ряду форм бытия образует собой непрерывность фактуального проявления эволюции всех форм вещества и энергии. Информационный квант (01), в таком случае, служит изначальным условием интерпретации всех последующих этапов эволюции Вселенной, с помощью которого дублируется изменение всех существенно-энергетических характеристик материи информационными характеристиками. Для этого информационному ряду следует придать статус информационного поля Вселенной. Фактуальность информационного ряда должна быть раскрыта не только с помощью изменения его пространственных характеристик, но и с помощью соответствующих ему временных. Как уже отмечалось, изначальный факт проявления Вселенной в информационном плане может быть представлен различием двух элементарных составляющих события. С точки зрения диалектики единого и многого, многое, представляющее бытие, не может быть различием меньше двух. В противном случае любое одно обретает статус единого и становится нефактуальным. Ибо единое не может иметь частей, а потому не способно к количественному, то есть эволюционному изменению. Следовательно, само допущение возможности уменьшения различия двух означало бы переход фактуального в нефактуальное, то есть свидетельствовало бы об исчез-

новении материального в идеальном и сопровождалось бы нарушением законов сохранения материи. Требования о минимальности различия двух в начальном событии — это требование, лежащее в основе принципа сохранения информации: информационный квант не может состоять только из одной величины, а потому изначально дуалистичен. Но если начало эволюции фактуального в информационном плане представлено минимальным различием двух, то очевидно, что последующая эволюция информационного ряда может быть представлена только как процесс возрастания этого исходного различия двух. Причем, умножение многого всегда бинарно. Тяжелые и легкие частицы появляются парами с противоположными зарядами, то есть изначальное различие двух в рамках одного события в дальнейшем с каждым очередным информационным квантом сопровождается возрастанием на две новые пары, образуя, соответственно, различие четырех, восьми и т. д. Аналогичный дуализм обнаруживается в эволюции растительных и животных видов. С появлением наблюдателя этот дуализм не исчезает.

Таким образом, информационное поле конечной во времени формы материи символично можно представить так:

$$0((011), (01111), (01111111)), \dots, N, \dots, (01)_{(n)}I,$$

где 0 — небытие, взятое в пределе своего значения и олицетворяющее собой отрицание всех конкретных форм материи (вселенных), смысл которого — «нет Всего»; (011) — начальный квант становления небытия и бытия нашей Вселенной, смысл которого в том, что появление бытия стало границей, отделившей его от собственного небытия; I — бытие, взятое в пределе возрастания разнообразия своих форм, то есть в пределе своего становления.

Именно такого рода философская интерпретация информационного поля Вселенной обнаруживает суть парадокса

времени. Действительно, если информационный ряд, своего рода информационный код развития Вселенной, строится на модификации только двух составляющих — небытия (0) и бытия (1), — то прежнее представление о времени, сформировавшееся в рамках естественнонаучного подхода и исходящее из опыта, в данном случае неприемлемо, так как оно использует три характеристики времени: прошлое, настоящее и будущее, тогда как временная интерпретация дуализма начал информационного ряда предполагает только две характеристики и, следовательно, одну из трех надо исключить как избыточную. Будем исходить из того, что для материи, имеющей начало и конец своего существования, продвижение процесса становления к пределу характеризуется будущим временем, а изначальная нефактуальность будет рассматриваться как прошлое. Соответственно, избыточной временной характеристикой для интерпретации отношения начал информационного ряда становится настоящее время. Она и подлежит удалению, лишая отношение прошлого и будущего привычного посредника, отделяющего прошлое от будущего. Если исходить из этимологии этого понятия, то настоящее время — это характеристика события «сейчас» в определенной точке пространства «здесь». С одной стороны, термин «сейчас» олицетворяет собой мгновенность события, когда дискретному фрагменту пространства соответствует дискретное время, то есть данный час. Но час времени — это еще далеко не элементарное мгновение, а довольно длительный процесс, предполагающий и довольно протяженное в пространстве «здесь». Предположим, что мы станем уменьшать эталон длительности, соответствующий нашему представлению о настоящем времени с одного часа до минуты. Минута меньше по длительности чем час, а следовательно, начальная граница этой длительности — прошлое и конечная гра-

ница — будущее при этом сблизятся по направлению друг к другу. Процедура сопровождается уменьшением протяженности отрезка, в рамках которого эта минута истекла. Уменьшая настоящее время до интервала секунды, а затем и до интервала планковской величины времени, мы уменьшаем и протяженность пространства события до соответствующей планковской величины, постепенно сводя прошлое и будущее, как говорится, нос к носу. Вместе с тем становится очевидным, что, уменьшая длительность настоящего времени, то есть «сейчас», и протяженность соответствующего ему фрагмента пространства, то есть «здесь», наблюдатель-физик смещается в прошлое к началу эволюции вещественно-энергетических форм материи и останавливается перед планковским пределом дробления времени и пространства.

Наблюдатель-философ продолжает умозрачительно двигаться дальше до тех пор, пока не окажется за точкой сингулярности. И как только это произойдет, тотчас исчезает сам фрагмент длительности и протяженности, а следовательно, и сам факт разграничения прошлого и будущего. Сближаясь таким образом, они сливаются друг с другом в настоящем времени как в абсолютно единой для них характеристике, присутствуя в ней в потенциально-неразличимом виде.

Таким образом, время, вынесенное за пределы начала становления конкретной формы материи, — это настоящее время, которое только в этом случае обретает статус объективной характеристики, включающей необходимость вводить тот или иной эталон длительности, а прошлое и будущее присутствуют в нем как возможность последующей длительности в момент актуализации события.

Если теперь двигаться в обратном направлении, то начало становления Вселенной во времени следует рассматривать как процесс расщепления объективного настоящего времени на объективное

прошлое и объективное будущее, в котором отношения прошлого и будущего образуют единый квант события. В привычной для естествознания форме эту временную последовательность можно представить так:

$$t(t_0(t_1, t_2, \dots, t_{(n-1)}))t_n$$

Эта формула является выражением космологической стрелы времени и образует своего рода временной код развития Вселенной, где t — объективное настоящее время; t_0 — объективное прошлое; $(t_1, t_2, \dots, t_{(n-1)})$ — переменные, характеризующие объективное будущее время становления Вселенной, последовательность которых образует собой термодинамическую стрелу времени; t_n — характеристика отсутствия времени в пределе становления Вселенной, то есть вневременное состояние материи.

Введение представления об информационном поле Вселенной означает признание онтологического статуса за информацией и правомерность философского анализа этой реальности наряду с такими формами материи, как энергия и вещество, которые являются предметом исследования науки. В информационном плане Вселенная в своем становлении предстает как открыто-замкнутая система, открытость которой характеризуется объективным настоящим временем, констатирующим то, что каждая конкретная форма материи, прежде чем возникнуть, отсутствовала в силу ограниченности своей формы. Но так как и другие такие же конкретные формы материи конечны, то объективное настоящее время является абсолютным временным континуумом для всего множества Вселенных. Как конкретная форма материи любая Вселенная, прежде чем возникнуть, должна иметь начальные условия своего возникновения. С другой стороны, как развивающаяся в себе самой, а потому представляющая в своем становлении внутреннюю последовательность своих состояний, устремленных к пределу ста-

новления, любая Вселенная является замкнутой системой, а потому характеризуется термодинамической стрелой времени.

При обнаружении предела своего становления она утрачивает внутреннее время и обретает предельную пространственную определенность, становясь причиной самой себя, но причиной без следствия. При этом начальные условия становления полностью исчерпаны.

Таким образом, философский анализ эволюции Вселенной как конкретной формы материи в отличие от ее естественнонаучного исследования, имеющего дело всего лишь с одним фрагментом информационного поля и опирающегося на принцип: одна реальность — одна истина, исходит из того, что предметом его исследования становятся несколько реальностей, каждой из которых присуща своя истина.

С точки зрения философского подхода, исследование любой конечной формы материи предполагает выделение пяти информационных реальностей:

- информационное антисобытие ($I\ 0$), знаменующее собой фазу перехода от предшествующей формы материи к нашей Вселенной, в рамках которого предшествующая форма приобретает статус начальных условий возникновения нашей Вселенной;
- информационное событие ($0\ I$), включающее в себя всю историю становления нашей Вселенной как единственный и заверченный акт космологической стрелы времени;
- информационный квант события (011), (0111), ..., характеризующий внутренние этапы становления — фрагменты термодинамической стрелы времени;
- наличие информационного антисобытия ($I\ 0$) означает также переход от нашей Вселенной, которая в пределе своего становления превращается из причины самой себя в начальные условия последующей за ней новой конкретной формы материи.

• Наконец, мнимое информационное антисобытие ($0 \left(\begin{smallmatrix} \leftarrow 1 \\ \leftarrow 1 \end{smallmatrix} \right) 1$), выражающее

собой только информационную природу наблюдателя, мимое потому, что изменения природы вещества и энергии вспять не происходит. Изменяется вспять только порядок комбинации набора их отдельных фрагментов, оставаясь всегда внутренней частью события ($0 1$). Информационная многокачественность материи обнаруживает, таким образом, пять различных по качеству информационных реальностей, где каждая из них является фрагментом единого системного, но уже не пространственного, а временного цикла.

Прежде чем выяснять природу каждой из них, необходимо определить их отношения друг с другом. Исходным методологическим основанием решения этой проблемы может служить только метафизика, способная исследовать то, что лежит за границей физической реальности. Вместе с тем исследование отношений между информационными фрагментами временного цикла придает метафизике предметный характер и открывает для философии свою область исследования, отличную от области исследования науки.

Если предположить, что процедуру изъятия настоящего времени как промежуточного звена между прошлым и будущим предлагает наблюдатель-физик, то возникает неразрешимый вопрос: как разграничить между собой прошлое и будущее время? Для философии эта проблема решается автоматически. Прошлое нефактуально, а потому едино и постоянно, тогда как будущее фактуально и непрерывно в своем изменении. Граница их раздела — это граница размежевания небытия (прошлого) и бытия (будущего).

Для науки прошлое время является всегда характеристикой фактуальной реальности, которой уже нет, но которая когда-то была. Таким образом, для науки прошлое и будущее всегда однозначно

фактуальны. Для философии прошлое время является характеристикой того, чего нет и никогда не было, а будущее — это характеристика того, что непрерывно становится, то есть характеристика нарастания множественности форм фактуальности бытия. В этом однозначно просматривается различие предмета философии и предмета науки. Вот почему возникает целый ряд новых вопросов, которые может прояснить только философия. Действительно, если прошлое является нефактуальным, а будущее — фактуальным, то возникает вопрос: можно ли в традициях науки утверждать, что будущее вытекает из прошлого? С точки зрения философии, прошлое и будущее — это автономные характеристики различных информационных реальностей. Однако если автономны информационные реальности единого цикла, как и их временные характеристики, то, следовательно, прошлое и будущее не взаимодействуют между собой, а будущее может вытекать из прошлого. Но если прошлое и будущее непосредственно не взаимодействуют между собой, то, спрашивается, как же формируется зависимость между ними?

Прежде всего, следует отметить, что этот вопрос является метафизическим по своей природе, ибо затрагивает проблему отношения единого и многого, на который однозначного ответа в истории философии нет. Так уже Платон указал на три варианта его решения: «...либо все было склонно к смешению, либо ничто, либо одно склонно, а другое нет»⁷.

«Первые два предположения были найдены невозможными»⁸, то есть неверно, что единое (прошлое) может перетекать во многое (будущее), а будущее — в прошлое. Неверно и то, что единое (прошлое) не может перетекать во многое (будущее), а многое — в единое, то есть неверен и второй вариант, согласно которому прошлое и будущее полностью автономны и непосредственно не взаимодействуют друг с другом.

«Первые два (предположения), — продолжает Платон, — были найдены невозможными... Следовательно, кто только желает верно ответить, допустит оставшееся из трех...» А этим третьим предположением и становится утверждение: «одно склонно к смещению, а другое нет...»⁹. Платон, таким образом, считает правильным тот вариант, когда единое переходит во многое, а многое перейти в единое не может. Формально можно говорить и о четвертом варианте: многое может перейти в единое, а единое во многое не может. Вместе с тем вариант, который выбрал Платон, трудно объяснить, ибо единое неизменно, не имеет частей, а потому и нефактуально, то есть идеально. Многое состоит из частей. Оно непрерывно изменяется, фактуализируется. Для того чтобы единое и многое могли переходить друг в друга или только одно из них в другое, необходимо, как справедливо замечает сам Платон, чтобы «...само движение совершенно остановилось бы, а с другой стороны, сам покой бы задвигался, если бы они пришли в соприкосновение друг с другом»¹⁰.

Второй вариант решения этого вопроса был предложен атомистами, но при всей своей привлекательности оказался трудным для обоснования. По Левкиппу, небытие существует несколько не менее, чем бытие, а бытие существует несколько не более, чем небытие. В этом утверждении содержится признание не только одновременности существования того и другого, но и единственно возможное обоснование их дуализма: небытие и бытие соизмеримы. Небытие не может переходить в бытие, ибо, по утверждению Мелисса: из ничего никогда не может возникнуть нечто. Другими словами, единое никак не может смешиваться со многим, а следовательно, покой никак не может сам придти в движение. Поэтому и будущее никак не может вытекать из прошлого. Но, если это так, то, спрашивается, каким иным способом, кроме взаимодействия, могут быть связаны

прошлое и будущее? Прошлое и будущее, действительно, не взаимодействуют друг с другом. Они соотносятся друг с другом. При объяснении природы отношения первоначальная философия неявно сталкивается с парадоксом метафизики. В чем суть этого парадокса? В силу того, что любая конкретная форма материи имеет начало во времени, ее возникновение обнаруживает границу между бытием и небытием. Но при этом небытие обретает смысл информационной характеристики только с появлением бытия, так как до его проявления оно само отсутствовало. Но с появлением бытия небытие характеризует его как то, что прежде не существовало, то есть не было. Становясь отрицательной характеристикой времени — прошлым, которое в силу своей идеальности обретает статус информационной характеристики, предшествующей бытию, небытие обретает отношение к нему.

Получается, что возникновение конкретной формы бытия порождает его собственное небытие в прошлом. При этом суть метафизического парадокса времени в том, что бытие должно проявить себя первым, а небытие, которое обнаруживается уже как следствие этого акта, попадая во временной ряд, оказывается первым. Бытие же становится вроде бы следствием, вытекающим из небытия как из своей причины.

Таким образом, парадокс первоначал преломляется через парадокс времени. Очевидно, что невозможно разрешить один из них, не разрешив другой. Методологическим основанием разрешения парадокса метафизики, естественно, должно стать отношение первоначал — небытия и бытия, — а отправной точкой выяснения их природы может служить попытка Парменида классифицировать их конечный набор, который неявно образует своего рода метафизическую метрику для философских изысканий любого направления. Как известно, он предложил три варианта отношения небытия

и бытия: 1) есть бытие и нет небытия, 2) есть и небытие, и бытие, 3) есть небытие и нет бытия. Предлагая эту классификацию, Парменид, возможно, преследовал цель упорядочить все существующие к тому времени направления в философии. Однако нельзя исключать и того, что он пытался тем самым выявить конечный набор всех возможных комбинаций отношения небытия и бытия, так как такого направления, которое признавало бы наличие небытия и отсутствие бытия, тогда не было. Из трех постулатов своей метрики сам Парменид признавал истинным только один — первый: есть бытие и нет небытия. Между тем, именно его метрику отношений бытия и небытия следует считать первым шагом на пути открытия информационной многокачественности материи, который он подготовил, но которым сам не воспользовался. Этот второй шаг сделал за него Платон, неявно признав истинность всех трех постулатов метрики Парменида.

Действительно, согласно мнению Платона, философия должна вести речь не об одной реальности, как предлагал Парменид, а сразу о трех: это мир идей, мир вещей и мир материи, где мир идей — это истинное бытие (первый постулат), мир вещей — это соединение идеи и материи, то есть небытия и бытия (второй постулат), и мир материи — это небытие (третий постулат). Не вдаваясь в содержание предложенной Платоном последовательности данных реальностей, отметим сам факт введения им многокачественности информационных форм.

С нашей точки зрения, следует говорить не о трех, а о четырех автономных реальностях (пятая реальность — мнимый вариант одной из четырех). Следовательно, метрика Парменида обнаруживает свою неполноту. И, действительно, за всю последующую историю философии никто не обратил внимания на то, что если третий постулат противоположен по смыслу первому, то должен быть и четвертый вариант, логически противо-

положный второму. Если второй постулат утверждает, что есть и небытие, и бытие, то четвертый постулат должен отрицать и то, и другое: нет (и небытия, и бытия).

Попытаемся теперь с помощью этих четырех постулатов метрики Парменида дать метафизическую интерпретацию космологической стрелы времени. Начнем со второго постулата метрики: есть (и небытие, и бытие).

Этот постулат исходит из признания одномоментности проявления небытия и бытия. Тем самым постулируется их дуализм: граница одномоментно пересекает событие зарождения Вселенной на две области — существования и несуществования. Ни одно из этих двух первоначал не может быть ни первым, ни вторым. Не может быть прошлого без будущего и будущего без прошлого. В этом суть дуализма времени. Следовательно, ни один из них не может быть производным от другого. Оба начала автономны и не взаимодействуют друг с другом, а потому не способны и переходить друг в друга. Соответственно, «прошлое» и «будущее» возникают одномоментно. При этом «будущее» не может вытекать из «прошлого», так как «прошлое» не фактуально и потому не может что-либо породить или к чему бы то ни было изменяться. Таким образом, небытие обретает статус «прошлого», а бытие — статус «будущего», естественно, не в силу следования одного за другим, то есть не в силу того, что первое предшествует второму, а в силу того их внутреннего содержания, согласно которому небытие — постоянная, нефактуальная характеристика, трактуемая в смысле «не было», а бытие — переменная, фактуальная характеристика, всегда однозначно трактуемая в смысле «есть-бытие».

Кроме того, бытие — это многое, так как оно имеет части, количество которых может изменяться. Но как многое бытие не может быть изначально меньше двух, а следовательно, не способно меняться в сторону уменьшения, поскольку умень-

шение двух до одного означало бы превращение фактуального в нефактуальное, то есть приводило бы к исчезновению материи и сопровождалось бы нарушением всех законов сохранения вещества и энергии. Поэтому стартовое различие двух может только возрастать. Но, возрастая в своем многообразии форм, бытие удаляется от постоянного и неизменного небытия как от своей начальной границы, как от точки отсчета координат своего становления. Само же «есть-бытие», возрастая как многое, не вытекает из прошлого и является единственной временной характеристикой бытия. Поэтому будущее — всегда величина переменная, к тому же, не имеющая длительности. Исходное различие двух, в свою очередь, дробится на различие четырех и поглощается им (вещество и энергия не исчезают, а переходят, согласно законам сохранения, из одних форм в другие полностью или частично). Будущее, таким образом, — как гребень волны, непрерывно катящейся и растекающейся своим различием.

Объективно время отношения прошлого и будущего не длится, а квантуется, образуясь отношением прошлого (не было) и будущего (есть-бытие). Если обнаружилось изначальное различие бытия двух, то в прошлом не было именно этих двух. Если в процессе становления два трансформировались в четыре, то в прошлом не было всех четырех. Стоит заметить при этом, что в прошлом не может не быть трех или пяти, то есть отрицательность прошлого не может быть меньше или больше положительной множественности бытия. Как бы ни возросло многообразие будущего, прошлое для него всегда едино и соразмерно с ним своей отрицательностью. Ибо отношение прошлого и будущего — это отношение симметрии, это статика, заложенная в динамику квантования времени на всем протяжении становления бытия.

Вслед за вторым постулатом метрики Парменида введем четвертый постулат.

Он выражает эволюцию самого небытия, так как небытие может выступать в двух ипостасях: как начало, наряду с бытием, так и в роли отрицательного предела, содержанием которого становится утверждение: нет (и небытия, и бытия). Действительно, с возникновением конкретной формы материи (Вселенной), имеющей положительную характеристику времени — будущее, тотчас возникает и отрицательная характеристика времени — прошлое.

Вместе с тем, правомерно утверждать, что когда-то отсутствовали и прошлое, и будущее, что означает «нет» и того и другого. Это повторное отрицание 0(01) и является выражением содержания объективного настоящего времени, которое в силу предельной своей отрицательности вбирает в себя объективное прошлое и объективное будущее. Объективное настоящее как предел отрицания первоначал является характеристикой того потенциала времени, который определен для становления конкретной формы материи. Больше того, если материя проявляется только в конкретных формах, то каждая из них имеет свое объективное настоящее время. Вот почему можно говорить об идеальной, то есть отрицательной общности всех конкретных объективных настоящих характеристик времени. Эта общность представляет собой предел отрицательности всех пределов отрицательности становления всех конкретных форм материи «Нет Всего для всех Нет», своего рода информационный полюс идеальности, а потому — это есть тот некий универсальный конструкт философской теории, который, говоря словами Аристотеля, определяет собой наичистейшую из всех форм — время. Метафизическим содержанием этого универсального предела отрицательности является третий постулат метрики Парменида: есть небытие и нет бытия. Он утверждает, что существует объективный, неиссекаемый потенциал бесконечного во времени возникновения и исчез-

новения все новых и новых конкретных форм материи.

Наконец, чтобы раскрыть содержание первого постулата метрики Парменида, необходимо снова вернуться к ее второму постулату, согласно которому прошлое и будущее время как проявление первоначал возникают одновременно, образуя симметрию отношения друг с другом. В границах этой симметрии, как в рамках однозначной статики, и развивается динамика становления бытия. Особенностью бытия, как уже отмечалось, является его множественность и непрерывная изменчивость, а единственной временной характеристикой — будущее. Причем эта множественность изначально должна быть не меньше двух. Условием перехода от статики отношения первоначал к динамике становления эти исходные два должны вступить во взаимодействие друг с другом. Взаимодействие разрушает единственность каждого из них, не позволяя раствориться в нефактуальности, а связь их между собой приводит к образованию пространства. Но бытие, как многое, по определению, не может стать целым, в которое его превращает пространство, так как целое — это свойство единого. Однако следует иметь в виду, что не должно существовать и становление небытия, ибо, по определению, небытие — это единое (целое), не способное иметь части. Однако целое целому рознь. Каждый из пяти фрагментов информационного цикла автономен, а потому каждому из них свойственны и целое, и части, только организованные по-разному.

В тектологии А. Богданова дается определение трем различно организованным комплексам: нейтральному с аддитивным эффектом, когда целое равно сумме своих частей; комплекс с положительным неаддитивным эффектом, когда целое меньше суммы своих частей; комплекс с отрицательным неаддитивным эффектом, когда целое больше суммы своих частей¹¹. Становление небытия

и представляет собой нейтральный комплекс, в котором часть — прошлое — равна целому — настоящему времени в силу их одинаковой нефактуальности. Может быть, поэтому становление идеального предшествует становлению материального, так как, по замечанию Лейбница, идеальное проще материального¹².

Если сказать точнее, то становление идеального в рамках антисобытия проявляется как качество без количества. А еще точнее, небытие как одно из первоначал, то есть как элемент (не было) и небытие как предел его становления (нет Всего) равны друг другу. Суть становления идеального в нарушении симметрии первоначал, результатом которого становится асимметрия идеального по отношению к материальному в пользу первого. Вот почему становление бытия нужно рассматривать как его стремление выровнять асимметрию идеального за счет своей собственной асимметрии, которая достигается за счет взаимодействия элементов материального многого между собой, устремленного в своем возрастании к пределу «есть Все». В рамках становления бытия пространство взаимодействий элементов многого представляет собой целое, характеризуемое положительным аддитивным эффектом, при котором целое меньше суммы своих частей. Таким образом, асимметричность бытия сопровождается истончением целого и его полным исчезновением в пределе его становления.

В своем исходном состоянии материальное первоначало — это множество не меньше двух. Связь этих двух между собой образует целое, которое меньше их суммы, так как материальность единого как целого исключается, а материальность пространства двух не может вытекать из идеального единого как целого, в силу того, что идеальное и материальное не взаимодействуют и друг из друга не вытекают. Поэтому положительная неаддитивность целостности пространства двух — это следствие без причины. В

свою очередь, аддитивная целостность идеального первоначала, не имея статуса причины по отношению к нему, выступает в роли начальных условий его возникновения. Но так как в процессе становления первоначальные два расщепляются на четыре, и эти четыре имеют причиной своего появления материальные два, то процесс становления бытия предстает как [следствие (причина—следствие)], то есть предстает как процесс постепенного источения изначальной следственности своего происхождения и столь же постепенного укрепления своей причинной самодостаточности. Бытие само со все большей степенью определенности становится причиной своих следствий за счет дробления изначальной универсальной связи двух и поглощения ее исходного потенциала процессом возрастания многообразия материальных форм, одновременно усиливая автономность каждой из них. Наконец, в пределе становления обнаруживается полное исчерпание влияния его начальных условий, вследствие чего происходит разрыв универсальной связи множества двух, положительная неаддитивность целостности полностью поглощается элементарностью, а изначальная следственность становления также полностью исчезает в самопричинности бытия. Бытие становится причиной самого себя, но одновременно и причиной без следствия: в силу исчерпания начальных условий в пределе исчерпан и потенциал изначальной следственности, а множество фрагментов, полностью утрачивая связи между собой, трансформируется в состояние, которое можно рассматривать как «мертвый хаос». Бытие становящееся обретает статус чистого бытия, то есть «есть Все», к которому только сейчас становится применимым утверждение Спинозы о том, что материя является причиной самой себя. Если первоначала дуалистичны по своей природе (есть и бытие, и небытие), то пределы монистичны (либо «есть Все», либо «нет Всего»). Одновременность их

проявления абсурдна. Чистое бытие, таким образом, исключает собой предел становления идеальности «нет Всего». Строгая дизъюнкция отношения небытия и бытия в пределах их становления характеризует собой асимметрию, возникающую при переходе от одной конкретной формы материи к другой — условие возникновения информационного анти-события. Предел «есть Все» является первым постулатом метрики Парменида, а следовательно, соответствует его требованиям: если есть только бытие, то нет ни движения, ни времени, так как будущее время — это переменная характеристика, которая исчезает с прекращением движения. Предел «есть Все» обретает статус вневременного бытия.

Но означает ли прерывность в становлении бытия исчезновение времени? И да, и нет. Исчезает время динамики становления, время взаимодействий частей множества, но время статики, время отношения первоначал сохраняется. Меняется только «полярность», а с ней — и направленность: чистое бытие обретает статус прошлого, а небытие — статус будущего. Это означает, что чистое бытие из причины самого себя, но причины без следствия, превращается в начальные условия возникновения Вселенной как новой. Происходит акт «вращения» симметрии, и событие трансформируется в антисобытие. Таким образом, симметрия отношения небытия и бытия определяемая как информационная статика, не возникает и не уничтожается, но, вращаясь, она лишь периодически квантует различие самой направленности времени, перемежая эту смену пульсацией взаимоисключающих пределов: либо «нет Всего», либо «есть Все». В этом суть метафизического принципа сохранения времени.

В пределе становления идеальности (нет Всего) обнаруживается бесконечный потенциал времени, а в пределе становления материального (есть Все) — безграничность материального разнообразия конкретных форм.

В истории философии и науки сформировались четыре концепции времени: субстанциональная, статическая, динамическая и реляционная. Одновременно все это время шла дискуссия о том, какая из них является единственно верной. С точки зрения данного подхода, можно утверждать, что верны все четыре, ибо каждая из них может быть использована для объяснения природы времени, но только для характеристики одной из пяти информационных реальностей, входящих в единый временной цикл. Субстанциональная концепция времени ответственна за объяснение отношения первоначал в рамках становления события (0 I), в основе которого заложена время-пространственная форма организации материи. Статическая концепция времени объясняет природу перехода события (0 I) в антисобытие (I 0) в рамках взаимоисключения пределов.

Динамическая концепция времени может быть использована для объяснения начал обратимого процесса, то есть статики социальной реальности. Реляционная концепция объясняет природу перехода от события (необратимости) к мнимому антисобытию (обратимости). Динамическая концепция времени исходит из признания одномоментного наличия всех качественных характеристик времени: будущего, настоящего и прошлого. Область ее применения — сознание и самосознание. Областью применения реляционной концепции времени является социальная деятельность, определяемая пространственно-временной формой организации опыта.

Об особенностях интерпретации динамической и реляционной концепций времени, используемых для объяснения природы человека см. в последующих номерах журнала.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пригожин И., Стенгерс Н. *Время, хаос, квант*. М., 1994. С. 29.
- ² Там же. С. 31.
- ³ Гегель Г. *Наука логики*. М., 1998. С. 68–69.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Очерки феноменологической философии*. СПб., 1997. С. 50.
- ⁶ Хайдеггер М. *Работы и размышления разных лет*. М., 1993. С. 156.
- ⁷ Платон. *Собр. соч.*: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 323.
- ⁸ Там же. С. 323.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Богданов А. А. *Всеобщая организационная наука*. М., 1991.
- ¹² Лейбниц Г. *Собр. соч.*: В 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 408.

V. Kushelev

PHILOSOPHICAL SOLUTION OF THE TIME PARADOX: THE NEW CONCEPTS OF METAPHYSICS.

The paradox of time is regarded as a paradox of metaphysics of fundamental principles (existence and non-existence). The foundation of philosophical anthropology is a symmetry of the relation which gives anthropology a character of a static social reality. Social philosophy is an investigation of the dynamics of retrospective processes.